

Литературный Альманах Урала

Игорь Назаров

Литературный Альманах Урала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64091832

ISBN 9785005199997

Аннотация

Предлагаю вашему вниманию сборник произведений авторов, победивших в IV литературном конкурсе «Уральский книгоход». В 2020 году на участие в конкурсе поступило 217 заявок из многих стран СНГ: Украины, Беларуси, Казахстана, Молдавии и многих других стран. В издаваемом Альманахе принимаю участие как автор рассказа «Из прошлого Зауралья» и составитель данного сборника.

Содержание

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ УРАЛА	7
Документальная проза	9
«Стерегающий»: героический подвиг или красивая легенда?	11
Укажи мне путь...	22
Меж двух огней	25
Спасо-Евфимиева обитель	29
Приказано похоронить с почестями	38
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Литературный Альманах Урала

Назаров

Редактор Игорь Назаров

© Назаров, 2021

ISBN 978-5-0051-9999-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Муниципальное автономное учреждение культуры
Первоуральск

**ИННОВАЦИОННЫЙ
КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР**

**К О Н К У Р С
«УРАЛЬСКИЙ
КНИГОХОД»**

ДИПЛОМ УЧАСТНИКА

НАГРАЖДАЕТСЯ

**Назаров
Игорь Степанович**

ЗА УЧАСТИЕ
В IV ЛИТЕРАТУРНОМ КОНКУРСЕ
«УРАЛЬСКИЙ КНИГОХОД»

в номинации

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ПРОЗА**

Оргкомитет

Первоуральск
2020 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ УРАЛА

Дорогие и уважаемые читатели!

Предлагаю вашему вниманию сборник произведений авторов, победивших на IV литературном конкурсе «Уральский книгоход».

В 2020 году на конкурсе участвовали авторы из Армении, Белоруссии, Израиля, Казахстана, Украины и России.

Команду экспертов в этом году возглавила **Ребковец Ольга Александровна** – директор фонда «Тотальный диктант», член Совета по русскому языку при Президенте РФ, член президиума Азиатско – Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (АТАПРЯЛ).

В состав экспертной комиссии вошли:

Ерёменко Олеся Николаевна – заведующий методико – библиографическим отделом МБУК «Межпоселенческая библиотека Выборгского района». (г. Выборг);

Кощеев Сергей Николаевич – лауреат всероссийских и областных конкурсов народного творчества, сценарист, ведущий, менеджер культурно – массового досуга отдела маркетинга МБУК Ростовская – на – Дону городская централизованная библиотечная система (г. Ростов – на – Дону);

Неснова Ольга Павловна – главный редактор издатель-

ского проекта «СМИ АРТМосква» (г. Москва);

Сафонова Наталья Константиновна – кандидат педагогических наук, доцент, главный библиотекарь по научно – методической работе Муниципального казённого учреждения культуры «Централизованная система детских библиотек» г. Челябинска (г. Челябинск);

Тимошкова Марина Владимировна – заведующий отделом обслуживания МБУК «Межпоселенческая библиотека Выборгского района» (г. Выборг).

В альманах вошли лучшие произведения конкурсантов победителей в 4—х номинациях: «Детская проза и поэзия», «Художественная проза», «Документальная проза».

При публикации произведений сохранена авторская орфография и пунктуация. г. Первоуральск. 2020

Составитель Альманаха Игорь Назаров, участник IV литературного конкурса «Уральский книгоход».

Документальная проза

Елена Попкова (Елена Самкова) (г. Ногинск)

Диплом III степени в номинации

«Документальная проза»

Родилась в Ногинске, Московской области. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Лауреат Президентской премии для поддержки талантливой молодёжи (2006). Стихотворения публиковались: в журналах «Юность», «Наследник», «Артбухта»; альманахах: «Всенародная поэзия России», «Молодые голоса», «Звезда полей – 2011», «Поэзия»; антологии «Неопавшие листья», литературных сборниках: «Славянская лира—2017», «В тысячу солнц» и газете «Берлюковское Слово». Елена – автор сборника стихов и переводов «Осколки Вечности» (2016).

«Стерегущий»: героический подвиг или красивая легенда?

(О гибели миноносца «Стерегущий» в Русско – японской войне 1904—1905)

Герой никогда не умрёт – он вечно в народе живёт.

Русская пословица

Русско – японская война (9 февраля 1904 – 5 сентября 1905) стала первой масштабной войной после нескольких десяти- летий мира. Она велась между Российской и Японской им- периями за контроль над Манчжурией и Кореей. В ней была использована новейшая военная техника того времени: даль- нобойная артиллерия, броненосцы и миноносцы. Им- ператор Николай II хотел укрепить свое влияние в Восточ- ной Азии.

Основным препятствием к этому оказалась Япония. Но пра- вительство Российской Империи до последнего на- деялось на мирное урегулирование конфликта. Все же наша страна зару- чилась поддержкой Австрии и старалась улуч- шить отношения с Германией. Но после завершения япо- но – китайской войны (1894—1895), в которой, ко всеобще- му удивлению, победила Страна восходящего солнца, был подписан Симоносекский договор. В нем Китай отказывал-

ся от всех прав на Корею и передавал Японии Ляодунский полуостров в Манчжурии. Его- то в 1898 году, под давлением Германии, России и Франции, Япония сдала в арендное пользование нашей стране, что еще больше обострило конфликт. Россия не шла ни на какие уступки Японии, слишком велика была цена. Победитель получал выход к незамерзающим морям и обладание огромными слабозаселенными территориями Манчжурии. Но и начать войну первой Российской Империя также не решалась. По этой причине ни один из планов по подготовке кампании против Японии так и не был до конца реализован.

Воспользовавшись замешательством России, Японская империя, без официального объявления войны, внезапно напала на русскую эскадру близ Порт – Артура 9 февраля 1904 года. В итоге, полугодовая война завершилась Портсмутским миром, подписанным 5 сентября 1905 года. Побежденная Россия уступила Японии часть Сахалина, свои арендные права на Ляодунский полуостров и Южно – Маньчжурскую железную дорогу. Среди основных причин, приведших российскую армию к поражению, являлась незавершенность военно – стратегической подготовки, удаленность театра военных действий от основных центров страны, чрезвычайно ограниченная сетевая коммуникация и отставание России в технологическом оснащении от своего противника.

Однако, условия мирного договора были выгоднее Рос-

сийской Империи, нежели победившей Японии. На фоне этих событий произошли массовые беспорядки в Токио в 1905 году.

Российская дипломатическая делегация во главе с С. Ю. Витте и при посредничестве президента США Теодора Рузвельта успешно провела эти переговоры. Она твердо отстояла две принципиально важные позиции для нашей страны. Отвергла требование японской стороны о выплате контрибуции в размере 1, 2 миллиарда иен, а также требование о демилитаризации Владивостока.

На этой войне русские воины запомнились храбрыми защитниками рубежей своей родины, проявили мужество, патриотизм и отвагу. Японская же армия оказалась не так беспощадна к своему врагу, как думалось. Наши солдаты, попадавшие в плен, содержались вполне сносных условиях. Японцы уважали смелость и решительность своего врага. В год 110—летия со дня окончания Русско – японской войны хочется вспомнить забытый подвиг русского эскадренного миноносца «Стерегущий». История его героической гибели сделалась легендарной. Имя миноносца не раз присваивалось кораблям советского и российского флота, именем капитана – А. С. Сергеева, названа школа №18 в его родном городе Курске. Гибель «Стерегущего» вдохновляла также поэтов и композиторов. Вот одна из наиболее известных песен, когда-то проникновенно исполненная Жанной Бичевской.

Помилуй нас, Бог Всемогущий, И нашей молитве внимли.

Так истребитель погиб «Стерегущий» Вдали от родимой земли.

Так истребитель погиб «Стерегущий» Вдали от родимой земли.

Командир прокричал: «Ну, ребята! Для вас не взойдет уж заря.

Героями Русь ведь богата: Умрём же и мы за Царя!»

И вмиг отворили кингстоны, И в бездну морскую ушли
Без ропота, даже без стона, Вдали от родимой земли.

И чайки туда прилетели, Кружатся с предсмертной тоской,
И вечную память пропели Героям в пучине морской.

Так что же, действительно, произошло со «Стерегущем» 10 марта 1904 года, а что привнесено народной легендой?

В ту ночь дул пронизывающий ветер. Морские брызги залетали на палубу. На капитанском мостике в черном офицерском пальто стоял человек. Это был сорокалетний лейтенант Александр Семенович Сергеев – командир миноносца «Стерегущий». Зубная боль вот уже три дня не давала ему покоя, за щекой вздулся флюс. Да и печень последние годы стала пошаливать, отдавая болью в правом паху. Четыре месяца назад врач посоветовал Сергееву ехать на лечение в Карлсбад, но назначение на Тихоокеанскую эскадру

изменило планы. После некоторых колебаний А. С. все же решает ехать на Дальний Восток. Весть о войне застала его в родном городе Курске, где лейтенант навещал 80—летнего отца. Решение было принято незамедлительно: «Что же, когда мирное время и нам платят жалование, мы здоровы, а когда война – больны?!» – отрезал Сергеев.

По прибытии в Порт – Артур А. С. назначают командиром «Стерегущего». Вскоре выясняется, что ходивший в дальнюю разведку миноносец «Сторожевой» неисправен, и в следующий раз в паре с «Решительным» отправится «Стерегущий». Командирам кораблей дано задание подробно изучить побережье. В бой с вражескими кораблями, без особой нужды, не вступать. 9 марта 1904 года в 19:00 «Решительный» и «Стерегущий»

вышли в рейс. Через 2 часа, у острова Кеп, были замечены неприятельские суда. Капитан 2—го ранга Федор Эмильевич Боссе – командир «Решительного» приказал увеличить скорость и атаковать противника. Японцы заметили предательские вспышки дымовых труб миноносцев и начали преследование. Российские корабли попытались скрыться в тени острова Южный Саншантао и этот маневр им удался. Они оторвались от неприятеля. В 3 часа ночи миноносцы решили отправляться в обратный путь. Японских судов нигде не было видно. Но вскоре «Стерегущий» стал отставать, пришлось сбавить ход и «Решительному». Когда уже на горизонте показались знакомые очертания острова Ляоте-

шань, сигнальщики замети- ли прямо по курсу четыре японских «истребителя». Попытка обойти их корабли на этот раз не увенчалась успехом. Японцы пошли наперерез. «Решительный» и «Стерегающий», на предельной скорости устремились к спасительному Порт – Артуру. Но тщетно! Достигнув параллельного курса, головной японский миноносец открыл огонь. И если «Решительный», находившийся на три румба справа и впереди успешно отбивался,

«Стерегающий» оказался под прицелом сразу двух, а затем еще двух подошедших неприятельских кораблей. Один из снарядов угодил в правый борт «Стерегающего» и разорвался в угольной яме, повредив паропровод. Судно не потеряло хода, но его окутало густым паром. Видимости практически не стало.

В то время «Решительный» уже был вне пределов досягаемости, его команда была спасена. Впоследствии, вдова лейтенанта Сергеева обвинила капитана Боссе в предательстве. Но очевидцы и историки тех событий оправдали действия Ф. Э. Повернуть на выручку «Стерегающему» означало бы погубить не один, а два корабля. Вся команда «Решительного» была представлена к наградам, контр – адмирал Ф. Э. Боссе получил Св. Георгия 4—й степени.

Но вернемся к «Стерегающему». На палубе миноносца царил ад! Наш «Стерегающий» отчаянно отбивался от прицельного

огня четырёх японских «истребителей». Ему удалось вы-

вещи из строя головной корабль «Акебоно». Но силы все равно оставались неравны. Команда из 52—х человек, понимала, что обречена, но сражалась до последнего выстрела. Кочегары не успевали устранять повреждения. На своих постах были убиты: командир – лейтенант А. С. Сергеев, артиллерийский офицер – мичман К. В. Кудревич, старший офицер – лейтенант Н. С. Головизнин. Инженера – механика В. С. Анастасова взрывом снаряда выбросило за борт.

В 7:10 орудия «Стерегающего» смолкли навсегда. Все героические защитники были мертвы, а на воде качался лишь разрушенный остров миноносца, без труб и мачты.

Разгоряченный боем командир «истребителя» «Сазанами» предложил захватить «Стерегающий» в качестве трофея. То, что капитан 2—го ранга Микикане Цуция увидел на борту нашего корабля, привело его в ужас: «В полубак попало три снаряда, палуба пробита, один снаряд – в правый якорь. С обоих бортов снаружи следы от попаданий десятков больших и малых снарядов, в том числе пробоины близ ватерлинии, через которые при качке в миноносец проникала вода. На стволе носового орудия след попавшего снаряда, близ орудия труп комендора с оторванной правой ногой и сочившейся из раны кровью. Фок – мачта упала на правый борт. Мостик разбит в куски. Вся передняя половина судна в полном разрушении с разбросанными осколками предметов. В пространстве до передней трубы валялось около двадцати трупов, обезображенных, частью туловища без конеч-

ностей, частью оторванные ноги и руки – картина ужасная, в том числе один, видимо офицер, на шее у него был надет бинокль. Установленные для защиты койки местами сгорели. (...) Число попавших снарядов в кожух и трубы было очень велико. (...) Кормовой минный аппарат был повернут поперек, видимо, готовый к выстрелу. В кормовой части убитых было немного – только на самой корме лежал один труп. Жилая палуба была совершенно в воде, и войти туда было нельзя. (...)

Вообще положение миноносца было настолько ужасное, что не поддается описанию».

По злой иронии судьбы ровно через час после того, как на «Стерегущем» замолчало последнее орудие, в 8:10 подошло подкрепление – крейсера «Баян» и «Новик» под командованием адмирала С. О. Макарова. Японцы не решились дать второй бой. Они взяли в плен четырех выживших членов российского миноносца и отступили. Еще полчаса «Стерегущий» держался на воде. В 9:07 воды Желтого моря сомкнулись над ним навсегда.

По возвращении на родину, выживших членов команды – трюмного машиниста В. Н. Новикова, кочегара 1—й статьи А. А. Осинина, минно – машинного боцмана Ф. Д. Юрьева и кочегара И. П. Хиринского наградили Георгиевскими крестами (одной из высших наград для солдат и унтер – офицеров).

26 апреля 1911 года в торжественной обстановке в при-

сут- ствии императора Николая II и четверых членов экипажа в Александровском парке Петербурга на Каменноостровском проспекте был открыт памятник «Стерегущему». На нем изображались два неизвестных матроса, открывающие кингстоны родного миноносца. Этот памятник до сих пор украшает один из красивейших проспектов северной столицы. Однако, сюжет, изображенный на нем, остается не более, чем журналистской уткой, запущенной с легкой руки корреспондента английской газеты «Таймс» в 1904 году. В действительности, на кораблях такого класса кингстоны не были предусмотрены, их никогда не было на «Стерегущем». В ходе расследования выяснилось, что корабль затонул от полученных пробоин. Выходит, в центре Петербурга стоит памятник событию, которого не было?

«Считать, что памятник сооружен в память героической гибели в бою миноносца «Стерегущий», – такова была резолюция Николая II. Даже если в этой истории и заключена доля мифа, очевидно одно: «26 ФЕВРАЛЯ (ст. с.) 1904 ГОДА В БОРЬБЕ С СИЛЬНЕЙШИМ ВРАГОМ ЭСКАДРЕННЫЙ МИНОНОСЕЦ «СТЕРЕГУЩИЙ», ПОТЕРЯВ КОМАНДИРА, ВСЕХ ОФИЦЕРОВ, 45 ИЗ

49 МАТРОСОВ, ПОСЛЕ ЧАСОВОГО, ДО ПОСЛЕДНЕГО СНАРЯДА БОЯ, ПОШЕЛ КО ДНУ, ИЗУМЛЯЯ ВРАГА ДОБЛЕСТЬЮ СВОЕГО

ЭКИПАЖА!», – это слова сказаны в далеком 1910 году капитаном 2—го ранга Евдокимом Николаевичем

Квашниным – Са-
марином, расстрелянном большевиками
в 1920 году в Ялте.

Вечная память и вечный покой героям, положившим жизнь,
за Веру, Царя и Отечество.

Используемая литература: <http://www.warships.ru/ships/stereg/Stereg.htm> http://ruskline.ru/history/2014/03/11/gibel_stereguwego <http://www.pravda—tv.ru/2017/02/13/282312/patrioticheskie—istorii—minonosets—steregushhij—ili—podvig—russkih—matrosov> <http://keu—ocr.narod.ru/Steregushchy/> <http://mirznanii.com/a/331206/gibel—minonostsa—steregushchiy—mify—i—realnost>
<https://ru.wikipedia.org/wiki>

Татьяна Шипошина (г. Москва)

Диплом II степени в номинации

«Документальная проза»

Татьяна Владимировна Шипошина, 1953 г. р. Член МГО СПР. Председатель ТО ДАР. Главный литературный редактор сайта ТО ДАР «Дети и книги». Автор более пятидесяти

сяти книг для взрослых, детей и подростков. Многие книги переизданы. Печаталась в журналах «Мурзилка», «Костёр», «Шишкин лес», «Кукумбер», «Фома», «Полдень XXI век» и др. Лауреат и дипломант многих литературных конкурсов. В 2017 вошла в

двадцатку конкурса «Книга года – выбирают дети». Обладатель знака «Золотое перо Руси» – 2016 и других литературных наград.

Укажи мне путь...

(отрывок)

Книга посвящена жизни и мученической кончине митрополита Серафима Чичагова, расстрелянного на Бутовском полигоне в 1937 году, в возрасте восьмидесяти двух лет.

1937 год

На допрос митрополита Серафима вызвали через несколько дней, 3 декабря.

– Чичагов, на выход! – скомандовал охранник.

Владыка с трудом поднялся с нар. Посмотрел на свои ноги, подумал: «Не дойду».

– Давай, а то помогу! – прикрикнул охранник. Кто-то поддержал владыку. Он сделал первый шаг.

– Давай, держись, – прошептали в ухо.

– С Божией помощью, – ответил митрополит Серафим.

Несколько дней, проведенных в камере, помогли «подготовиться» к допросу.

Народ в камере можно было разделить на три категории. Первые возвращались с допросов веселые и с «непопорченной шкурой». Среди них встречались и молодые ребята, и люди

средних лет, и пожилые. Некоторые молодые даже хвалились, что на допросе их угощали «чаем с пирожными». А они подписывали все, что им подсовывали. «Писали» на отцов

и матерей, на знакомых и незнакомых, на близких и далеких.

Вторые были «битые». Они тоже подписывали, но только после побоев, иногда и смертельных, после издевательств, после угроз в адрес их родных и близких. Часто они «подписывали» только на себя, стараясь спасти как можно больше людей.

Третьи, самая малочисленная группа заключенных, не подписывали ничего и ни на кого. Таких людей – единицы. Их притаскивали с допросов полуживыми или не притаскивали в камеру вовсе, а отправляли сразу в лазарет, чтобы после того, как человек хоть немного придет в себя, начать снова его допрашивать.

Судила и первых, и вторых, и третьих тройка НКВД по Московской области. Приговоры не отличались разнообразием.

...С трудом переставляя отечные ноги, подгоняемый охранником, владыка продвигался по коридору в кабинет следователя, старшего лейтенанта госбезопасности Булыжникова (фамилия подлинная).

Булыжников так Булыжников. Камешек. Винтик огромной машины убийства.

Говорят, жестокий и бескомпромиссный следователь. Говорят, даже лютый.

Не брезгует и в морду дать самолично. Ну что ж.

На долгом веку владыки многие хотели бы увидеть его

поверженным и сдавшимся. Разве в нем что-то изменилось за многие годы?

Когда-то он получил под свое руководство суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, в котором еще в XVIII веке была учреждена тюрьма. Старые казематы хранили память о страшных и подчас несправедливых событиях. Тогда будущий владыка сделал все для того, чтобы страшная тюрьма перестала существовать. Последний заключенный покинул казематы. Многие считали это чудом.

Вероятно, новая власть старую тюрьму возродила...

Меж двух огней

Даже приняв монашество, отец Серафим оставался как бы меж двух огней. И аристократы, и военные, и многочисленные родственники никак не могли согласиться с тем, что потомственный дворянин, воспитанник Пажеского корпуса Леонид Чичагов стал не только священником, но и монахом.

А монахи и некоторые церковные иерархи никак не могли принять его «за своего». Слишком он был аристократичен, образован, слишком блестящую карьеру сделал в миру. Еще бы! Обласкан императорами, многократно награжден, причем награжден и боевыми орденами за храбрость, и иностранными орденами (один орден Почетного Легиона чего стоит!), и памятными императорскими знаками, которые имеют честь носить далеко не все!

В действиях иеромонаха Серафима и аристократы, и монашествующие искали подвох, а некоторые искали повод опозорить его, доказать его нечестность и несостоятельность. Возможно, имела место элементарная зависть, скрытая под благими предложениями.

Волна сплетен поднялась после того, как в августе 1898 года иеромонах Серафим получил высочайшее приглашение от

императора Николая II на торжественное открытие памятника Александру II. Ведь во время русско-турецкой вой-

ны состоял будущий иеромонах при царе и писал «Дневник пребывания Царя-освободителя в Дунайской армии в 1877 году».

Государь Николай II принял отца Серафима в отдельном кабинете и расспрашивал о том, «где и в каком положении» находится иеромонах.

Ох, как это не понравилось «синодальным прокурорам», хотя иеромонах Серафим ни на кого не жаловался и никого не выставил перед государем в ненадлежащем свете.

Иеромонаху Серафиму приписали поползновение на высокие епископские должности. Многие предпочли этому поверить.

Но между тем в течение восьми месяцев иеромонах Серафим жил в Троице – Сергиевой Лавре, не занимая никаких должностей, молясь и выполняя монашеские послушания.

Одним из его трудов в это время было написание летописного очерка «Зосимова пустынь во имя Смоленской иконы Божией Матери, Владимирской губернии, Александровского уезда». Эта пустынь была приписана к Троицкой Лавре.

Книга впоследствии дополнялась и исправлялась и выдержала несколько переизданий.

Изучение документов о жизни святого подвижника, обработка их, и сам процесс написания заставляли не просто размышлять, а словно бы постоянно молиться, как и положено монаху.

«О, ослепленный и маловерный мир! Где ты был и чем

был занят, если не заметил даже таких великих и совершенных иноков, явленных тебе, как Великие – Антоний, Макарий, Пахомий, Василий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Иоанн Лествичник, Ефрем и Исаак Сирины и многие, многие другие? Как ты не познал красоты иночества на Афоне?! Неужели до сих пор неизвестна маловерному миру история просвещения Рос-

сии, труды святых Кирилла и Мефодия, Антония и Феодосия и многочисленных святых Киево-Печерской Лавры. Ты не усмотрел нравственного совершенства в преподобном Сергии и его учениках. Не они ли явились 500 лет тому назад пред глазами мира в чистоте целомудрия, во всем безстрастии евангельского нестяжания, во всей глубине самоотреченного смирения! Ты не заметил в вышедшем 200 лет тому назад из Свято-Троицкой Сергиевой Лавры схимонахе Зосиме инока, который был действительно далек в духе и жизни от мира, выше его, спокойнее и счастливее в душе!»

Если плачет душа того, кто водит пером по бумаге, не заплачет ли и читающий?

«Мир и поныне с величайшим трудом, непонятым неведением и равнодушием относится к бедным обителям, основанным многими этими великими иноками, которые почивают в мощах, благоухают, творят чудеса, как истинно живые, и порождают Духом собирающихся боголюбивых иноков на их могилах. Так ценил мир сокровище иночества тогда и так продолжает ценить теперь! Или мир особенно

озлобляется только против современных иноков? Зачем же он тогда не чтит память прежних, забрасывает их святые гробницы? Пусть этот мир сам достигнет того совершенства, чтобы понять, что и ныне нет обители без праведника! „Сетуют, что ныне нет святых“, – говорит святитель Филарет, – но не может быть, чтобы их совсем не было, ибо без святых мир не был бы достоин хранения Божия и не мог бы стоять. Мы можем говорить, что нет ныне в мире святых, подобно как отец Алексия, человека Божия, сказал, что у него нет в доме сына и нет святого, тогда как сын его жил у него в доме и был муж святой, но закрыт был и от отца, и от других образом нищаго».

Разве думал иеромонах Серафим, составляя свой очерк, что наступят такие времена, когда мир начнет убивать не только своих святых, но и просто тех, кто осмеливались назвать себя верующими?

Однако новое назначение для иеромонаха Серафима уже готовится. После смерти настоятеля суздальского Спасо-Евфимиева монастыря архимандрита Досифея обер-прокурор Священного Синода Константин Петрович Победоносцев назначил на этот пост иеромонаха Серафима. Он был возведен в сан архимандрита и назначен благочинным монастырей Владимирской епархии.

Произошло это в 1899 году, когда отцу Серафиму исполнилось сорок три года.

Спасо-Евфимиева обитель

Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь встретил архимандрита Серафима разрухой и запустением. Новый настоятель не ожидал, что его встретит налаженная монастырская жизнь и крепкий монастырь, но того, что он увидел, и представить было невозможно.

– Сколько же лет не ремонтировалась обитель? – спросил у казначея новый настоятель.

– Да лет сто будет, – вздохнул тот.

– А тюрьма-крепость как? – продолжал расспрашивать настоятель. – Надобно посетить, посмотреть.

– Лучше бы Вам туда с дороги не ходить, – махнул рукой казначей.

– Чего ж не ходить?

– Да худо там... Люто и худо.

– Сколько же узников содержится в крепости?

– Пятьдесят две души грешные, – перекрестился казначей.

Помолясь да испросив помощи Божией, отправился новый настоятель осматривать свое хозяйство.

Обитель представляла собой «громадное разрушенное про- странство с оградой в 1,5 версты и 13-ю падающими башнями».

Вот и тюрьма. Старое двухэтажное и примыкающее

к нему одноэтажное здание, со стен которого ободрана краска, на всех небольших окнах которого железные решетки. В одноэтажном здании двадцать пять одиночных камер. Двери камер выходят в вонючий коридор. Грязь, крики. Тюрьма...

«Господи, помилуй...»

Спасо-Евфимиева обитель знаменита не только тем, что в ней пребывают мощи преподобного Евфимия Суздальского. Она печально известна тем, что с середины XVIII века здесь находилась государственная тюрьма-крепость.

Спасская крепость, или, как называют ее официальные документы Святейшего правительствующего Синода, «арестантское отделение Спасо-Евфимиева монастыря», была учреждена по указу Екатерины II в 1766 году и предназначалась для умалишенных религиозных колодников.

Однако за время существования крепости в заточении находились разные узники, а сумасшедшими они часто становились только здесь, после многолетнего пребывания в мрачных казематах.

В этой тюрьме имелись в основном одиночные камеры, но были и общие – грязные, ветхие, холодные, со спертым, гнилым воздухом. Иногда особо буйных заключенных наказывали батогами, а некоторых даже заковывали в цепи.

Несколько узников, закончивших здесь свою жизнь, были знаменитыми людьми. В XIX веке в крепости находился опальный прорицатель монах Авель; здесь скончался

доведенный до сумасшествия декабрист Фёдор Шаховской; здесь же содержались старообрядческие священнослужители: архиепископ Аркадий, епископ Алимпий, епископ Конон, епископ Геннадий и некоторые известные миряне.

Пищу заключенным давали два раза в день, на обед и ужин. Кормили впроголодь. Специальной тюремной одежды не существовало. Арестанты из лиц духовного звания носили подряс-

ники, тулупы, лица светские – кафтаны, халаты, тулупы. Белье холщовое, обувь – сапоги, валенки. Уж какими становились все эти одежонки за много лет – страшно и представить.

Узники проводили в крепости десятки лет, лишались разума, молодости, умирали от чахотки, от истощения сил, гнили от цинги.

Воинская команда монастырской тюрьмы – это рядовые инвалидов команд, т. е. солдаты нестроевой службы. В карауле числилось десять солдат и один унтер-офицер.

Архимандриту Серафиму удалось в конце своего настоятельства заменить караул вольнонаемной стражей из четырех человек.

Дверь одной из камер распахнули перед архимандритом Серафимом. Пахло спертым воздухом. В камере находился бледный человек, обросший бородой. Возраст трудно определить.

– Вставай! Новый настоятель к тебе пожаловал! Доклады-

вай, кто ты! – скомандовал охранник.

– Что новый, что старый, – усмехнулся узник. – Что-то разве изменится? Ну, Василий я. Рахов.

– Давно сидишь? – спросил отец настоятель, по – хозяйски оглядывая грязную, провонявшую плесенью камеру.

Что в ней находилось? Койка без белья, войлок да табурет.

– Седьмой год.

– Православный?

– Православный. Оговорили меня. Свои же, православные, и оговорили.

– Разберемся. Узник махнул рукой:

– Да что разбираться. Прежний настоятель, Царство ему Небесное, прошение составлял. Бумаги в Синод посылал, а толку... Все вернулось назад.

– *Если невиновен – составим еще бумаги.*

– *Никто уже разбираться не будет.*

– *Посмотрю твое дело, раб Божий Василий.*

Узник не пожелал подойти под благословение. А настоятель пошел дальше, открывая дверь за дверью, смотря в глаза каждому...

Осмотревшись, архимандрит Серафим приступил к ремонту тюремного корпуса. Начал с наведения чистоты, улучшил питание узников, упорядочил посещения ими богослужений, устроил библиотеку, а главное, начал изучать дела заключенных и готовить их документы на пересмотр в Святейший Синод. Многие из невольников содержались в тюрь-

ме без решения суда, а только по распоряжению Синода. Да и вина некоторых из них имела весьма сомнительные доказательства...

Усилиями настоятеля стало происходить то, во что никто не верил: начали освобождаться узники, находящиеся в тюрьме десятки лет. Документы на некоторых из них, например на крестьянина Василия Рахова, на сектанта Фёдора Ковалёва и других подавались по нескольку раз. У многих бы опустили руки, но не у архимандрита Серафима. Дело Василия Рахова вернулось с положительным решением только после третьей подачи! Василий был отпущен домой. На этот раз, под благословение подойдя. И поцеловав руку настоятеля. Не просто так, а от благодарного сердца.

С раскольниками и сектантами игумен Серафим беседовал лично, и не раз.

Дар убеждения у настоятеля был от Бога, потому и усилия увенчались успехом. Около двадцати сектантов были освобождены, из них девять вернулись в лоно Православной Церкви. Некоторые пожелали остаться в обители монахами.

Игумен Серафим сумел обратить в Православие закоренелого сектанта-изувера Фёдора Ковалёва, который в 1897 году во время первой всеобщей переписи заживо замуровал девять человек, в том числе всю свою семью. Слёзно и искренне каялся Фёдор перед Господом.

Так последний заключенный был отпущен на волю, тюрьма закончила свое существование и была обращена в скит.

Не меньшего настоятельского труда и заботы требовала организация хозяйственной стороны жизни в обители.

На монастырском дворе запахло досками, красками. Нашлась работа и для монахов, и для пришлых рабочих. Рабочие регулярно стали получать жалованье.

– Смотри, не филонь! – предупреждал проходящих в обитель секретарь настоятеля иеродиакон Филарет. – Вот отец Серафим придет работу проверять – все заставит переделывать, если что не так!

– Неужто сам придет рамы щупать?

– Не сомневайся!

Да, сомневаться не стоило. Ни в строгости настоятеля, ни в справедливости его решений.

Пришлось заново обустроить двухэтажный братский корпус, начиная с рам, полов, дверей, балок, так как жить в нем было невозможно... пришлось громоздкие здания с четырех сторон отрыть из земли из-за того, что они веками засыпались мусором и даже отдушины нижнего этажа оказались под землей.

Была построена новая ризница, новая трапезная, кухня, хлебопекарня, колодец, проложены дороги, куплено новое имущество для келий: стулья, столы, кровати. В облагороженную

обитель можно стало звать новых людей, и количество братии стало увеличиваться.

Новому настоятелю удалось в монастыре построить: «для

слепых стариков – богадельню, для страждущих – больницу, для... детей – приют, для окрестных жителей – школу, для рабочих и скотниц – новое жилище, для странников и приезжающих – странноприимный дом, для братии и арестантского отделения – две библиотеки, для обширного монастырского архива – новое помещение».

Труд в обители требовал от настоятеля напряжения всех его духовных и физических сил. А вот помощи ждать было неоткуда, наоборот, некоторые из «начальствующих» за ним словно наблюдали, посмеиваясь: выдержит ли этот аристократ?

Ни перед кем не мог он открыть душу.

– Как же вы справляетесь, батенька? – спрашивала одна из немногих, поддерживающих настоятеля, старица Наталия Петровна Киреевская, которая в молодые годы была духовной дочерью батюшки Серафима Саровского.

– Не знаю, – сознавался настоятель. – Одно могу сказать: свои личные финансовые возможности я исчерпал полностью.

– Просил ли у кого?

– Персонально ни у кого не просил, а прошения подавал, как положено. Долг свой исполнял, не расшаркивался ни перед кем. Но изнемог уже... изнемог в скорбях и трудах... Жизнь у меня какая-то удивительная и многострадальная... и чудес, и горей предостаточно...

– И много ли вложили в обитель?

– Не считал. Все потому, что я дворянин и в духовной иерархии протекции не имею.

– Жаль, что у нас и для дел духовных протекция надобна, – вздыхала старица.

Наталья Петровна была уже очень пожилой и больной. Чувствовала, что дни ее подходят к концу. Но успела написать письмо с предсмертной просьбой к архиепископу Флавиану (Городецкому), чтоб тот взял под свое покровительство архи- мандрита Серафима.

Но и это письмо владыка передал адресату не сразу... Поддерживали настоятеля его келейник иеромонах Иона, его секретарь иеромонах Филарет и многие монахи, пове-

рив-
шие в честность и бескорыстие отца Серафима, увидевшие воочию плоды его трудов. Потому что усилиями архимандрита Серафима обитель совершенно возродилась; он собрал около 100 тысяч на ремонт, упросил Владимира Карловича Саблера дать 6 тысяч на реставрацию тюрьмы, и Евфимиев монастырь удалось возродить.

Тюрьма, как уже было сказано, обратилась в скит, а невинные – выпущены на волю. «Благодарению Господу – я мне назначенное исполнил», – писал отец Серафим.

Ольга Ожгибесова (г. Тюмень)

Победитель в номинации «Документальная проза»

Родилась в г. Свердловске (Екатеринбург). Окончила философский факультет Уральского государственного университета. С 1983 по 2001 год – старший преподаватель кафедры философии Тюменской медицинской гос. академии. С 1997 – внештатный

и штатный автор областных и московских СМИ. Член Союза журналистов, член Союза писателей России, автор 13—ти книг поэзии и прозы, лауреат и дипломант ряда международных, всероссийских и региональных конкурсов, автор сценариев нескольких документальных фильмов.

Приказано похоронить с почестями

Отрывок из повести

Герой Советского Союза Николай Кузнецов таинственно исчез на Украине весной сорок четвертого года при попытке выйти с оккупированной территории для соединения с частями Красной армии. Есть две основные версии гибели разведчика, но при более детальном исследовании обе они оказываются не состоятельными. Как погиб легендарный разведчик и погиб ли? Кого похоронили под его именем? Об этом – в повести «Приказано похоронить с почестями». Основано на реальных событиях.

Странная история, запутанная... Так думал Андрей Пацула, трясясь на заднем сидении армейского газика. Впрочем, вой- на – похлещё любого романа. Такие иногда сюжеты закручи- вала... И кто знает – может, удастся найти хоть какие-то следы пропавших разведчиков, ещё на шаг приблизиться к разгадке тайны их гибели.

Группа Васнецова с боем выходила из Львова, где на них уже всю шла охота. Впрочем, почему на них? Немцам было известно лишь то, что под видом капитана вермахта в городе действует советский диверсант. Но ни имени, ни точного опи- сания у гестапо не было. Единственная примета –

звание. Но в городе хватало воинских частей и офицеров с капитанскими погонами. Удостоверение на имя гауптмана Гиберта вроде бы оказалось засвеченным, но кто это может знать со сто-процентной точностью? На КПП на выезде из города машину разведчиков остановили для проверки документов. Что-то не понравилось майору фельджандармерии... И Васнецов убил его. Может быть, зря? Может быть, все обошлось бы?

О событиях, происходивших во Львове и заставивших Васнецова покинуть город, партизанам стало известно со слов самого Васнецова, но это тоже не достоверные сведения. Это его интерпретация... Его восприятие, приправленное его чувствами и переживаниями, его догадками и предположениями. А ещё невероятным напряжением, в котором он жил в последние дни. Всё это и заставило Васнецова нажать на курок...

– Спишь, журналист?

Негромкий окрик Крутицкого заставил Пацулу вздрогнуть и открыть глаза. Он сам не знал – спал он или бодрствовал, затуманенный мозг крутил в голове какие-то неясные картины, обрывки мыслей, путаницу слов... Калейдоскоп, пёстрая мозаика... Она никак не могла сложиться в единую, целостную картину...

– Да так... Думаю.

– О чём, если не секрет?

– Сам не знаю...

Пацула поежился, запахнул поплотней куртку.

– Как-то всё... Не то! Не нравится мне... Эта история со Львовом... Зачем, зачем надо было отправлять туда Васнецова? Спасли от НКВД? За уши притянуто. Неделей раньше, неделей

позже... Знаете, по принципу: либо падишах умрет, либо ишак сдохнет. Так и тут: либо немцы убьют, либо свои расстреляют. Один конец. Ну, свои-то, может, ещё и пощадили бы, боевые заслуги зачли и на Колыму отправили, а с немцами – без вариантов.

– У него был приказ, – медленно, с расстановкой произнес Крутицкий, – уничтожать высших офицеров.

– Да бросьте вы! Такого приказа у него не было. Во Львов Волков отправил его на свой страх и риск. Подверг смертельной опасности ценного разведчика. Точнее, потерял его. И, заметьте, не понёс за это никакого наказания! Как так?

– Не знаю... – с трудом выдавил из себя Крутицкий. – Я тоже этого не понимаю.

– Ну, слава Богу! – усмехнулся Пацула. – А я-то думал, что один такой... непонятливый.

В Куровичах их, разумеётся, никто не ждал. Улицы небольшого села, несмотря на не ранний уже час, словно вымерли. А, может, и действительно вымерли. До войны здесь было обычное еврейское местечко. В сорок первом, когда в Куровичи пришли немцы, всем нашили на грудь

и спины желтые звезды. В графском имении, хозяин которого бежал в Польшу, когда Западная Украина вошла в состав Советского Союза, новая власть создала рабочий лагерь, согнав туда добрую половину еврейского мужского населения. Повезло тем, кому удалось бежать из родного села: пока не пришли красные, они прятались по лесам и даже помогали партизанам. Остальных расстреляли... В Куровичах после этого остались поляки да украинцы, которые до этого были в меньшинстве, а вдруг стали большинством.

После войны, конечно, вернулись в свои дома беглецы, прятавшиеся по лесам. Вернулись – кто на пепелище, кто – к могилам родных... Одни остались восстанавливать порушенное хозяйство, другие подались искать лучшей доли. Куровичи хоть

и не захирели, но назвать их большим селом язык теперь не поворачивался. Так, сельцо... Здесь, по имевшимся у Крутицкого сведениям, жил человек, последним видевший живым Васнецова.

Если евреи старались жить компактно, строя свои халупы как можно ближе друг к другу, то украинцы селились, как правило, на отшибе, на хуторах. Вроде бы и в селе – и в то же время сами по себе. Тут тебе и хата, тут и огород, тут и выпаса для скота – всё рядом. Немцы хутора жгли, справедливо опасаясь, что они могут стать партизанскими базами. Уцелевшие хозяева уходили в леса и брались за оружие. Василь Давыдченко как раз был из таких.

Хозяин хутора жёг на огороде картофельную ботву. Ботва была сырая, горела плохо, белый дым столбом поднимался в низкое серое небо. Давыдченко – в ватнике и обвисших штанах, в мятой, потерявшей форму кепке, больше похожей на серый сморщенный гриб, стоял рядом с костром, опираясь на грабли, и пристально смотрел в огонь. Непрошенные гости увидели его издали, подъехали даже не к дому, а напрямик к ограде, – Давыдченко и головы не повернул на звук мотора, как будто не слышал. По всей видимости, справедливо полагая, что, если к нему, – окликнут.

Крутицкий, открыв дверь, высунулся из машины.
– Василь Михалыч!..

Давыдченко медленно обернулся, качнулся назад – вперед, словно раздумывал – идти – не идти, и, не спеша, приблизился к ограде.

Это был высокий, крепкий старикан лет шестидесяти – шестидесяти пяти с суровым лицом и насупленным взглядом. Лицо у него было – цвета сушёного яблока. И такое же шершавое. Именно шершавое, а не морщинистое. И пальцы, вцепившиеся в почерневшую рукоятку грабель, тоже были коричневые, с черной окантовкой ногтей. Колоритный старик.

– Ну и чего надо?

Голос у Давыдченко был негромкий, глуховатый и неласковый. Крутицкий вышел из машины.

– Василь Михалыч, я – Крутицкий Николай. Помните ме-

ня?

– Ну? – полувопросительно отозвался Давыдченко. И в этом коротком слове читалось: даже если и помню, дальше-то что?

– Поговорить бы, Василь Михалыч...

– О чем?

– О Васнецове.

Пацула не выдержал, открыл дверь, прыгнул на мокрую траву. Давыдченко одарил его неласковым взглядом. Посопел, помолчал. Крутицкий тоже держал паузу.

– А чего говорить-то? Спрашивали уже. Ещё тогда, в сорок четвертом. Нового ничего не скажу.

– Но мы-то не слышали, – в голове Крутицкого звучали примиряющие нотки. – Для нас – все вновь.

– А это с тобой кто? – старик мотнул головой в сторону Пацулы.

– Это?

Крутицкий обернулся, словно хотел удостовериться, что за его спиной стоит именно Андрей.

– Журналист из областной газеты. Будет про Васнецова писать. Вот и ваш рассказ ему нужен. Для статьи.

– А-а-а-а... – Давыдченко смягчился. Он как будто ждал какого-то подвоха, а теперь вдруг расслабился и подобрел.

– Ну, идите во двор, там открыто.

Старик долго плескался под ручкой на заднем дворе – Крутицкий и Пацула, сидя на разохшейся от до-

ждей и ветра скамейке, слышали, как брякал язычок, и лилась вода, вышел из-за угла дома, вытирая руки полотенцем сомнительной свежести, присел на ступеньку крыльца.

– Ну, что, покурим?

Крутицкий торопливо вынул из кармана пачку папирос, а Пацула услужливо протянул зажигалку.

– Городские! – одобрил Давыдченко. Затянулся с удовольствием, пыхнул дымом в сторону.

– Так чего рассказывать-то?

– Где вы Васнецова видели? Как? При каких обстоятельствах?

Пацула достал из кармана свернутый в трубочку блокнот, карандаш, приготовился записывать.

– Так не помню я уже ничего... Вот вы даете! Столько лет прошло!

– Ну, как же? Вы же сами говорите, что рассказывали...

– Ну, рассказывал... Тогда помнил. Сейчас забыл.

– Василь Михалыч...

Крутицкий старался сдерживать нарастающую раздражение.

А курил Давыдченко с нарочитым спокойствием.

– Ну, бросьте себе цену-то набивать! Знаете ведь, что вы – последний, кто Васнецова живым видел. Так что же вы...

– Да ладно, ладно. Чего закипел? Что вспомню – скажу. Что ж я, не понимаю, што ли? Ну, дело было так... В сорок четвёртом, в январе – кажется, в сочельник... Ну, точно

в сочель-ник! ... Волков отправил отряд – человек двадцать, наверное. Для поддержки Васнецова, для прикрытия... Мы должны были здесь, в Куровичах, обосноваться – в лесу. У нас и рация с собой была, чтобы легче со своими связываться. Всё – чин чинарём. Выйти-то мы из-под Ровно вышли, а вот до Львова не дошли. Наши-то, Красная армия то есть, наступали, немцы оборону усиливали, леса прочесывали, облавы устраивали. Раз мы на засаду наткнулись, едва отбились, второй – на бандеровцев вышли... Опять бой... Кого убили, кого просто потеряли – раз-брелись, кто куда. Радиста убили, – это я точно видел. А рация

при нём была, – ну, значит, немцам и досталась... В общем, до Куровичей только я добрался и со мной ещё один, Федор Заступа. И не дошли бы, может, да я здешние места, как пять пальцев, знаю. Ну, вот... Это, считай, уже за вторую половину января перевалило. Однако перед самым Крещением...

– Верующий вы? – неожиданно перебил старика Крутицкий.

Тот смутился на секунду.

– Ну, верующий – неверующий, а праздники не нами придуманы. Народ сроду по церковным календарям жил. Число иногда из головы вылетит, а праздник – не забудешь.

– Пусть рассказывает, – вступился за Давыдченко журналист. – Ну и?.. Васнецов-то когда у вас появился?

– У – у—у... – Давыдченко махнул жилистой коричне-

вой рукой. – Это уж после было. Чуть ли не через месяц. А! В Сретение! Точно! Батюшка-то в деревне уцелел, евреев расстреляли, а православных не успели. Так он по большим праздникам даже службы в храме вёл. Сретение!

– Число-то какое? – призвав мысленно все свое терпение, уточнил Крутицкий.

– Так пятнадцатое... Пятнадцатое февраля!

– То есть пятнадцатого февраля в Куровичи пришли Васнецов и его люди.

– Да нет! – Давыдченко хлопнул ладонями по коленям, словно удивляясь непонятливости гостя. – В праздник его уже не было, он ушёл накануне. А привели его к нам ещё за день до того. Вот и считай: тринадцатого февраля.

– То есть тринадцатого февраля к вам на «маяк» привели группу Васнецова. Сколько их было? Трое?

– Трое. И два проводника-еврея. В лесу евреи прятались, которые от немцев сбежали. Они знали про «маяк». Еду нам приносили, лекарства. Федор... Ну, который со мной был...

тифом заболел. Мы поэтому в Куровичах и застряли: куда с ним, с больным? А Васнецов, когда из Львова уходил, на евреев и наткнулся. Вот так все и было.

– Итак, тринадцатого февраля...

– Ночью, – добавил Давыдченко.

– Тринадцатого февраля ночью к вам на «маяк» пришел Васнецов с товарищами.

Давыдченко кивнул.

– Как он выглядел? – неожиданно вступил в разговор Пацула.

– Да как? – удивился старик. – Обыкновенно. В немецкой форме. Сверху – то ли халат какой-то, то ли накидка... Тепла от неё никакого.

– А двое других?

– Один – в солдатском, второй – по гражданке одет.

– Это точно?

– Точнее не бывает!

– Хорошо, а что он рассказывал?

– Да что? – развел руками Давыдченко. – Задание своё, говорит, выполнил, сейчас нужно пробиваться в отряд.

– Говорил, что именно делал во Львове?

– Да это мы знаем... – попытался вмешаться Крутицкий, но Пацула протестующеё вскинул руку, и подполковник замолчал, хотя и удивился слегка.

– Ну... Говорил. Каких-то там важных генералов пострелял. Заместителя губернатора, что ли? И ещё кого-то. Сейчас и не припомню уже. Да я рассказывал, меня же ещё тогда, в сорок четвертом допрашивали. Когда наши пришли. Искали его...

– Хорошо, – кивнул Пацула, – ещё что?

– Ещё? – задумался Давыдченко. – Говорил, что, когда из Львова выезжали, документы у них стали проверять. Майора

и ещё несколько человек они застрелили, а один успел его

удостоверение схватить и убежать... Машину у них подбили. Еле ушли...

– Вот! – Пацула торжествующе повернулся к Крутицкому. – Я же говорил, что у него не было документов!

– Не было, – подтвердил Давыдченко. – Он спросил, где рация, я сказал, что нету. Тогда, – говорит, – в Буск пойдем. Там ещё один «маяк», и рация есть. Будем, говорит, самолет вызывать, без документов не выбратся. Ну, а если уж совсем никак, – тогда, говорит, сами... До линии фронта. Ну, я ему рассказал, где у немцев посты, где бандиты из УПА рыщут, – чтобы стороной эти места обходили. Проводники-то местные, все тропки знают. Ну и всё. В ту же ночь, т.е. четырнадцатого уже числа, они и ушли. А чего вы вдруг вспомнили про это дело?

– Да так... – медленно, как будто осмысливая услышанное, ответил Пацула. – Хотим хоть какие-то следы найти.

– Да бросьте! – махнул рукой Давыдченко. – Сколько лет прошло... Если кто-то даже и видел что – забыл уже давно.

– Ну и как вам это нравится? – сказал Крутицкий, когда, подпрыгивая на колдобинах, машина отъехала от дома. – Буск! Впервые слышу! Волков никогда не упоминал, что в Буске был ещё один «маяк». Если он знал, что Васнецов мог отправиться туда, почему молчал? Ведь это важно!

– А вы не понимаете? – саркастически улыбнулся Пацула. – Потому что это разрушало его стройную конструкцию о захвате группы разведчиков в Белогородке. Потому что

в Буске была рация. И туда мог прилететь самолет, чтобы вывезти Васнецова в Москву!

– Ты хочешь сказать, – обернулся к нему Крутицкий, – что самолет был?

– Я не знаю... – развел руками Пацула.

– Чёрт... Чёрт! Чёрт! – завелся Крутицкий. – Ты понимаешь, что у меня приказ найти могилу?! Могилу, которой, может быть, и нет?!

– Понимаю! – кивнул головой журналист и тоже вдруг перешел на «ты». – А ты понимаешь, что именно потому и надо найти могилу, что её здесь нет?!

Крутицкий бросил на него быстрый взгляд. Глаза у него были сумасшедшие.

Какое-то время мужчины молчали, думая каждый о своем.

Потом голос подал Жорик.

– Товарищ подполковник, куда едем-то? В Буск или домой?

– Не знаю, Жора, – устало отозвался Крутицкий. – Домой далеко. Да и ни к чему. Чтобы завтра снова машину гнать?

– А в Буске чего? Кого мы там будем искать?

– Да не знаю я! – вскинулся Крутицкий, уже не скрывая раздражения. – Переночуем в гостинице, оттуда позвоню, попробую выяснить что-нибудь про «маяк».

Буск оказался маленьким захудалым городком, к тому же основательно разрушенным во время войны и до конца ещё

не восстановленным. Обшарпанные дома, разбитые улицы, покорёженные снарядами деревья, – на всём лежала печать запустения и безхозяйственности. Безлюдье добавляло свою ложку дегтя в общий колорит. Впрочем, все маленькие городки похожи друг на друга: заканчивается рабочий день, и улицы пустеют, особенно на окраинах и особенно осенью, когда летнее веселье уже подошло к концу, а для зимних забав время ещё не настало.

Жора долго кружил по переулкам, прежде чем выбрался на вымощенную булыжником центральную улицу. Впереди виднелось здание старинной ратуши, а рядом, где-то над крышами, полоскался на ветру красный флаг. Вдоль обочины неторопливо

вышагивал пегий мерин, тянувший за собой телегу, в которой, держа вожжи в обмякших руках, клевал носом его хозяин.

– Остановись! – скомандовал Крутицкий Жорику. – Надо узнать у него, где гостиница.

Машина поравнялась с меринком, и Жора, решивший, видно, пошутить, два раза нажал на клаксон. Мерин ошалел от внезапного резкого звука у него под ухом, шархнул в сторону. Телега дернулась, сидевший в ней мужик, не удержавшись, повалился на бок.

Жора хрюкнул от смеха.

– Ну, ты – юморист! – с укором сказал ему Крутицкий и открыл дверь машины.

Возница барахтался в телеге, пытаясь подняться, и материл мерина, который стоял, переступая с ноги на ногу, косил большим карим глазом и жевал мягкими губами. Мужик явно был навеселе и причины своего падения, похоже, не понял. Наконец, ему удалось обрести более-менее устойчивое положение.

– Отец, – окликнул его Крутицкий, – подскажи, где тут у вас гостиница?

– Чего? – не понял тот.

– Гостиница, говорю, где? Переночевать...

– А-а-а... Тама... – мужик как-то неопределённо махнул рукой налево.

– Туда? – так же жестом уточнил направление движения Крутицкий, поняв, что от нетрезвого ездока толку не добьёшься.

– Ага, ага...

– Далеко?

– Да не, недалече... Вот туды, а потом туды и вот так...

И вот – упретесь...

И прикрикнул на мерина:

– А ну, пошел, фашист проклятый! Чуть не угробил батьку...

– Понятно, – уже садясь в машину, пробормотал подполковник, – вот туды и туды, и упрётесь.

Жорик закрыл рот ладонью и снова захрюкал, давась от смеха. На заднем сиденье ухмылялся Пацула.

– Чего ржешь? – закричал на своего подчиненного Крутицкий. – Давай, езжай!

– Куды? – откровенно захохотал Жора.

– Туды! Умник... Сейчас скажу тебе, куды...

Гостиницу они все-таки нашли. И, как ни странно, именно в той стороне, куда их отправил пьяный хозяин мерина. Это было небольшое двухэтажное здание, спрятавшееся за деревянной оградой и изрядно покореженным снарядами садом – скорее всего, бывшее домовладение какого-нибудь торговца средней руки. Штукатурка со стен осыпалась, на красных кирпичках виднелись следы пуль и осколков – видать, крепко досталось дому во время войны. Зато в гостинице путешественников ждал номер на троих, холодный душ в конце коридора и горячий чай из большого кипятильника, возле которого неусыпным стражем восседала дежурная по этажу.

Пробуждение было резким и окончательным. Крутицкий открыл глаза и понял, что выспался. Он сел на постели, оглядел комнату. Жора спал в кровати напротив – на спине, раскинув руки, и негромко всхрапывал. Вздрагивала крепкая грудь под белой майкой, непроизвольно шевелились губы. Одеяло сползло, и только рука, тяжелая, основательная, лежала поверх и не давала ему окончательно оказаться на полу.

Журналист, наоборот, лежал, отвернувшись к стене и закутавшись с головой, – только макушка торчала. Спал тихо, неслышно, лишь вздрагивающее при вздохе плечо выдавало

его присутствие под одеялом.

На полу, возле кровати, лежал блокнот, рядом валялся карандаш. Видно, ночью уже, когда спутники уснули, Пацула ещё что-то записывал. Сил убрать блокнот в рюкзак не хватило, вот и бросил его на полу.

Крутицкий поднял блокнот, отошел к окну, пробежал глазами несколько страниц. И вдруг ему стало страшно. Идея взять с собой в поездку журналиста, который послушно расскажет потом на страницах газеты историю о поисках могилы героя, теперь не казалась ему удачной. Более того, теперь Крутицкий считал это ошибкой. Нет, Пацула, конечно, хороший мужик. И надежный. На него можно положиться. Но... В своем блокноте он фиксировал все. Каждый шаг. Каждое слово. Все, что видел и слышал... Сопровождая записанное своими комментариями. Уже сейчас все это представляло собой бомбу. Если опубликовать, то не сдобровать никому. И ему, подполковнику КГБ, в первую очередь. Можно, конечно, взять и уничтожить этот блокнот. Прямо сейчас, пока его хозяин спит. Вырвать исписанные странички, разорвать их на клочки и пустить по ветру. А лучше сжечь... А толку? Пацула напишет все снова. Мозги у журналиста из головы не вырвешь... Отправить его домой? Черт, ну, кто мог подумать, что все сложится именно так?

– Блокнот верни...

Крутицкий обернулся. Пацула лежал на спине и смотрел ему прямо в глаза.

– Держи!

Подполковник кинул блокнот на кровать. Пацула накрыл его сверху ладонью.

– Я опубликую ровно столько, сколько будет можно, – спокойно произнес он. – Остальное пусть просто будет. Для будущего.

– Для какого будущего? – усмехнулся Крутицкий.

– Когда можно будет рассказать всю правду.

– Думаешь, такое время наступит?

– Обязательно! А иначе – ради чего всё?

– Ладно, – вздохнул Крутицкий. – Я тебе почему-то верю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.